

Сергей Волконский

Былое – Павловка

*Часть сборника
Разговоры (сборник)*

Сергей Волконский
Былое – Павловка

«Public Domain»

1911

Волконский С. М.

Былое – Павловка / С. М. Волконский — «Public Domain», 1911

«– А это что?– Это портрет моей бабушки, княгини Марии Николаевны Волконской, жены декабриста, – в Чите, у окна сидит, а в окно виден острог.– Чья работа?– Бестужева...»

Сергей Волконский

Былое – Павловка

Елене Сергеевне Рахмановой

*Люблю от бабушки-Москвы
Я слушать толки о родне,
О толстобрюхой старине.*

Пушкин

- А это что?
- Это портрет моей бабушки, княгини Марии Николаевны Волконской, жены декабриста, – в Чите, у окна сидит, а в окно виден острог.
- Чья работа?
- Бестужева.
- Декабриста? Конечно, ведь он всех их писал.
- Ну да.
- А этот милый *interieur*?
- Это гостиная в Зимнем дворце, и за столом, в вольтеровском кресле, княгиня Волконская, мать декабриста. Она была обер-гофмейстерина.
- В то самое время, когда?..
- В то самое время.
- Вот красноречивое соседство: мать в Зимнем дворце, жена в Читинском остроге. А что же, она как себя держала во время допроса?
- Уж не знаю, но думаю, что петел много раз кричал... К сыну она на свидание в крепость не пошла – боялась «потрясения»... Про нее моя бабушка в записках своих говорит: «Придворная дама в полном смысле слова».
- Она кто была?
- Репнина, дочь фельдмаршала, последняя в роде; у ее сестры, Голицыной, не было детей, и она просила старшему своему сыну присвоить титул князя Репнина.
- Так что старший брат декабриста...
- Да, возобновленный Репнин, женатый на Разумовской, был вице-королем Саксонии в 1813 году, генерал-губернатором Малороссии. Жена следовала за ним на войну, под Аустерлицем ходила за раненым мужем.
- Знаете ли вы в истории более «красивую» эпоху, чем эта наполеоновская сказка. Именно – «красота», красота и дурман. Все друг с другом знакомы, все друг друга любят и вместе с тем друг с другом воюют. Вся Европа – какой-то элегантный салон, в котором то сражаются, то проходят в придворных полонезах.
- И потом, какая удивительная красота для глаз.
- А кто это другая – сидит со старухой за столом?
- Это у нее была такая Жозефина, швейцарка, компанионка. Сохранилась большая пачка писем этой Жозефины: она аккуратно отписывала в Сибирь о всех семейных событиях, болезнях, крестинах, свадьбах, как дети растут: «Господин Александр обещает вырасти в необыкновенно изысканного юношу, сын мадам Алин – свежий и краснощекий малыш».
- Как мило. Печатать стоит?
- К сожалению, нет, в конце концов дребедень. Да, вы знаете, что и от старухи гофмейстерины осталось пять тетрадок – путевой дневник: она сопровождала великую княгиню Ека-

терину Павловну в заграничное путешествие. Но ничего более бессодержательного нельзя себе представить. Баронесса Оберкирх прямо *историк* в сравнении с ней.

– На каком языке?

– По-французски, с ужасными орфографическими ошибками.

– И к чему это нужно было? Я понимаю французский язык, но без ошибок, тому, кому по-французски почему-нибудь легче, чем по-русски. Но ведь этого ни в одной стране нет, чтобы люди сходились и друг с другом дурно объяснялись на иностранном языке.

– Но и в этом есть своя неизъяснимая прелесть прошедшего. Моя бабушка, жена декабриста, тоже писала свои записки по-французски.

– Ну да ведь это совсем другое.

– Правда, это ни на что другое не похоже?

– Это отсутствие литературности при трагической глубине не выдуманного, а рассказанного...

– Вот посмотрите: внутренность хаты. Сидит за клавирами дама, прическа кверху с гребнем, около нее, прислонившись к стене, мечтательный господин, на стене несколько маленьких портретов – мелко, но разобрать можно. Под этим была подпись – к сожалению, переплетчик обрезал: «Serge et Marie Wolkonsky a Nertchinsk» – рукою фельдмаршалши, сестры декабриста.

– Как трогательно.

– А эти портреты, которые «там» были, вот они, узнаете? У меня есть и книжки, которые «там» были: томик Ламартина, маленькое издание Шекспира; на заглавном листе: Marie Wolkonsky.

– А почему же вы знаете, что они «там» были?

– На том же заглавном листе вдоль переплета написано: «Читал. Лепарский».

– Знаменитый комендант Читы и Петровского завода?

– Да, имя которого окружено таким светом уважения в памяти декабристов, а через них и вплоть до нас. Подумайте, что бы это могло быть – это официальное «распечатывание» – в руках другого человека. И при такой должности, при таких обязанностях оставить такую память...

– Но еще трогательнее, по-моему, эти портретики на стене хаты, и которые узнать можно. А клавиры? Она была музыкантша?

– Да, она играла и пела. И, должно быть, с искусством пела, потому что, например, пела такие вещи, как «Ah, quelle nuit» из «Черного домино» Обера. Вы помните?.. А клавиры, вероятно и даже наверное, те самые, которые невестка Зинаида в Москве без ее ведома подвязала к кибитке, когда она уезжала в Сибирь.

– Это та самая, не правда ли, Зинаида Волконская, урожденная Белосельская, которой посвящены «Цыганы», – «царица муз и красоты»?

– Да.

Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.

– Как трогательно описание музыкального вечера, который Зинаида устроила для своей невестки перед ее отъездом в Сибирь, это описание, найденное в бумагах Веневитинова.

– Да, вы знаете, были найдены мелкие клочки бумаги, и, когда их сложили, прочитали описание этого вечера, о котором бабушка говорит в своих записках. Веневитинов был на этом вечере. Да кто же не бывал у Зинаиды! Друг Пушкина, Мицкевича, Шевырева, Веневитинова...

Это у нее в Риме, в несуществующем теперь palazzo Poli, Гоголь так неудачно читал «Ревизора» – благотворительное чтение, которое кончилось при почти пустом зале.

– Она была католичка?

– Да, и причислена к лику «блаженных». Она под конец жизни все раздала; она умерла от простуды, потому что зашла под ворота снять с себя теплую нижнюю юбку и отдать ее бедной.

– Кто бы мог подумать, глядя на портрет Бруни – в рыцарском костюме, который был на Таврической выставке...

– Это в роли Танкреда Россини, она пела его на спектакле-гала на Веронском конгрессе.

– Какие сближения, какие сопоставления: одна невестка – Танкред, Верона, другая невестка – Нерчинск, Чита...

– Да, уж контрастами никто так не богат, как Россия. У Александра Столыпина, который в студенческие годы писал стихи, и очень недурно, была поэма. В одной главе описывалась тройка по слякотной осенней дороге, ямщик, тарантас, солома...

– Одним словом – «чернозем».

– Да, и после чернозема новая глава начинается: «Я помню бал в Концертном зале».

– Эффектно...

– Но эффект между Концертным залом и Читой больше всех других.

– И сколько длился этот «эффект»?

– От 26 года до 56-го.

– Тридцать лет... А как совершилось помилование?

– По коронационному манифесту.

– Нет, я хочу сказать, как вы, то есть семейные как узнали?

– А-а-а... это тоже «страница». Мой отец, тогда юный чиновник по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири, графе Муравьеве-Амурском, приехал в Москву.

– Разве сыновьям декабристов был разрешен съезд?

– Ни разрешен, ни запрещен. Муравьев этим воспользовался и послал отца с официальным поручением. Так «вопрос» был разрешен, прежде чем успел возникнуть. Странно, что никто тогда не знал, чего ждать для декабристов, все ждали смягчения, но никто не смел мечтать о помиловании. Помню, отец рассказывал, что в самое утро коронации они с сестрой сидели на эстрадах для публики на Кремлевской площади и видели, как молодой, элегантный Тимашев, будущий министр внутренних дел, издали показывал дамам свои только что полученные аксельбанты. «А мы еще ничего не знаем о нашем отце»...

– А сестра вашего отца почему была в Москве?

– Она приехала с матерью много раньше; ведь на женщин запрещения не распространялись.

– Так что и жена, и дети декабриста во время коронации Александра II были в Москве?

– Да, в доме Раевских на Спиридоновке, и ждали. Прождали до вечера. Во время обеда – курьер: требуют отца во дворец. Приезжает. Выходит – вот не помню кто – с пакетом в руке: «Государь император, узнав, что вы находитесь в Москве, поручил передать вам указ о помиловании декабристов, с приказанием везти его в Сибирь». В тот же вечер – Москва в огнях и в музыке, а отец уезжал в Иркутск. Никто ни раньше, ни после не совершил этого переезда скорее, но последние сутки он уже не мог ни сидеть, ни лежать: доехал на четвереньках. По дороге в Иркутск он заезжал ко всем декабристам, жившим на пути, благовестником помилования; он заезжал в Ялutorовск к Пушкину, своему крестному отцу, к Якушкину, Оболенскому, Батенькову и другим, а в Красноярске к единокровному брату своего деда Раевского, Василию Львовичу Давыдову. Подъезжает к Ангаре поздно вечером; надо на лодке переезжать. Нанял баркас. Большие, тяжелые тучи; на той стороне, на высоком берегу вырисовывается Иркутск. Течение сильное, относит все дальше от города. После высадки надо было бежать вверх по

берегу. Наконец город и наконец дом. Отец звонит, – за дверью голос отца: «Кто там?» – «Это я, привез прощение». Вот как узнали.

– Вы помните вашего деда?

– Помню фигуру с большой белой бородой и длинную трубку. Удивительно, что и столько помню – мне было четыре года. Даже отчетливо помню, что «помню» его два раза. Один раз – в Фалле, в бенкендорфском майоратном имении под Ревелем, где он гостил у жены своего племянника, князя Григория Петровича, моей бабушки с материнской стороны; он жил в маленьком, не существующем теперь флигеле; другой раз помню его в Петербурге, в том же доме, где и мы тогда жили, только наверху – на углу Малой Морской и Гороховой, дом Татищева. Помню, что мы с братом ужасно шалили и что дедушка велел своему камердинеру Степану вывести нас. Этот Степан прожил очень долго, не знаю где шатаюсь. Иногда во время прогулок он нам попадался; мы, дети, боялись его; он имел такой вид всегда, во всякое время года, как будто продрог до костей, всегда полупьяный, с красным носом; он на улице целовал нам руку и говорил всегда по-французски.

– А как он узнал про освобождение крестьян?

– Степан?

– Нет, дедушка.

– Он был в Париже. Он был в церкви – церковь на улице Дарю, – когда читался манифест. Можете себе представить: весь в слезах, колени дрожат... Был тут же Тургенев, Николай, бывший декабрист, но который бежал. Дедушка, как и все другие декабристы, с ним порвал – не встречались, не говорили. Но здесь, представьте, подходя к кресту, очутились рядом. Дед мой, оттого ли, что считал, что за Тургеневым были заслуги в общем деле, или просто под наплывом чувств, отступил на шаг и, как бы давая дорогу ко кресту, сквозь слезы воскликнул: «Тебе первому!» Тургенев тоже отступил на шаг, оглядел его и спросил: «Кто вы такой?» В эти же дни в Париже был забавный инцидент. Вдруг в доме разнесся слух, что у дедушки на ноге гангрена; вся ступня синяя, а накануне только немножко болела, и он повязал ее шелковым платком. Послали за знаменитостью: надо ногу резать. Перед операцией приходит старая нянька-сибирячка, Мария Матвеевна, обмыть ногу; обмыла, полотенцем стала вытирать – полотенце синее, а нога белеет. Весь переполох от синего шелкового платка.

– А первый приезд в Петербург?

– Из Москвы по железной дороге. Знаю, что не узнавал ничего, только когда поравнялись с домом Белосельского у Аничкова моста, сказал: «Ну, теперь я вижу, что Петербург».

– Ведь долго въезд был запрещен?

– Тут помогла великая княгиня Мария Николаевна. Она просила брата, и благодаря ей был разрешен и въезд в столицу, и выезд за границу. Когда отец мой представлялся Александру II, чтобы благодарить за снятие последнего стеснения, он не мог удержаться от желания поцеловать руку государю, но государь сказал: «Нет, обними меня».

– Все-таки не последнее стеснение – титул не был возвращен.

– Если хотите это называть «стеснением». Но это даже не бросалось в глаза. Как-то не замечали, об этом не думали – меньше всех он сам. Он считал, что он всегда был тем, чем родился, для семейных он был l'oncle Serge, дядя Сережа, а для других – le prince Serge, князь Сергей. Моя тетушка, Елена Сергеевна, как и отец мой, родилась в Сибири и, как родившаяся от нетитулованного отца, пишется: «рожденная Волконская».

– Как интересно, это, может быть, да и наверное, последний живой документ декабризма.

– Да, в визитной карточке кусочек истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.